

Роберт Ригчер

Адам Эмих

Иоганнес-Адам Эмих родился в Екатериненштадте 22-го сентября 1872-го года. Он был десятым ребёнком в семье крестьянина Германа Эмиха и его жены Анны-Катарины.

Дом родителей Адама Эмиха был таким же, как у многих других жителей: довольно просторный, но для большой семьи всё равно тесный. При доме, опять-таки как у большинства колонистов, был сад и огород, а в стороне от Волги, верстах в тридцати, был земельный надел и при нём ещё один дом попроще – летний, в который часть семьи выезжала с ранней весны. Работы хватало всем, и не просто хватало, а было по горло, и отлынивать от неё было не принято.

Зато в немецких колониях было принято, чтобы дети ходили в школу. Первым этапом была школа приходская – при церкви, и для многих этот этап был и последним. Но всё-таки в каком-то числе были и такие, кто продолжал учиться в так называемой школе министерской, подведомственной Министерству просвещения. Обычно её заканчивали в возрасте 13-14 лет, и для 99 процентов окончивших это был предел. И только самые одарённые (или богатые) из крестьянских детей могли учиться дальше – одни больше, другие меньше.

Адам Эмих был из числа одарённых детей, и его после школы министерской отдали ещё и в так называемую Центральную школу (правильно – Екатериненштадское центральное русское училище), выпускники которой имели право на поступление во все учебные заведения России, кроме университета. Учился он хорошо, училище закончил одним из лучших. Ему при выпуске исполнилось 19 лет.

Продолжать учиться дальше, сидя на шее у родителей, он считал недопустимым. Однако продолжать учёбу хотелось в любом случае. Нашёлся компромисс: он нанялся частным учителем к детям двух богатеев, Кайльмана и Финка, и одновременно поступил на заочное отделение Вольской учительской семинарии. В 1893-ем году он сдал там экзамены на звание народного учителя и, обратившись в Новоузенскую земскую управу, получил направление на работу в большое прибрежное село Куккус.

Небольшое отвлечение. В этом селе (как острили в русских сёлах, с кукушино-петушиным названием) до выселения немцев я не был (да если бы и был, то вряд ли что-нибудь из того запомнил по причине малолетства), но в годы уже осознаваемого детства пусть фрагментарно, но кое-что с ним (не с самим Куккусом, конечно, а с его восприемником – селом Приволжским) всё-таки оказалось связано. Во-первых, Приволжское находилось как раз напротив правобережного села Ахмат, где была главная пристань города Красноармейска, в

котором я рос. Волга в этом месте основательно сужена Приволжской возвышенностью, и село Приволжское из Ахмата, в котором в студенческие времена приходилось нередко «куковать» в ожидании парохода, просматривалось довольно отчётливо. Во-вторых, в более юные годы, чем студенческие (чтобы быть точным – летом 1949-го), нас с братом отправили в пионерский лагерь, который был организован в Ахмате, в тамошней школе. Скука там царила невообразимая, и запомнилось единственно светлое мероприятие – переезд через Волгу на противоположный берег. Ныне такое и представить себе нельзя: перевозили на ту сторону нас, и не только нас, но и приехавших повидать нас в выходной день родителей на обыкновенных лодках мужики из Ахматского колхоза. Так вот: с того места, куда нас привезли, бывший Кукукус виден был как на ладони. К сожалению, ничего из увиденного я не запомнил. А жаль.

В Кукукусе Адам Эмих проработал пять лет. Люди его способностей и его характера редко выдерживают такой срок жизни в глухой провинции. Он это выдержал, однако признавался потом, что за эти пять лет сельская жизнь надоела ему до самого предела, что приходили минуты крайнего отчаяния и что только чувство долга не позволяло ему бросить это опостылевшее бытие. Годы уходили, а так хотелось попробовать себя на чём-нибудь более достойном, более высоком и более соответствующем его таланту, в наличии которого у него не было никаких сомнений.

Воспользовавшись тем, что разболелось горло, он бросил всё и уехал в Москву. Он знал, что на первый случай он может остановиться у своей сестры Эмилии Триппель, удачно вышедшей замуж и обосновавшейся в Москве. Так и вышло. Недолго проучившись на курсах бухгалтеров, он вскоре нашёл неплохо оплачиваемую работу в частной фирме и снял отдельное жильё. Это была одна сторона его жизни.

Второй стороной стало упорное самообразование. Он проводил вечера в библиотеке, очень много читал, к тому же литературу только серьёзную: научную, историческую, философскую, публицистическую. Какое-то время он даже брал уроки латинского языка.

Вскоре обозначилась и третья сторона. У него появились новые знакомые, оказавшиеся членами партии социалистов-революционеров (эсеров), которые предложили ему написать несколько статей на политическую тему для опубликования их в эсеровской газете. Он написал пробную статью, и она была напечатана, потом вторую, потом третью. Публиковались они под псевдонимом, гонорара не было, но обнаружилось нечто более важное, чем гонорар, – не только тяга к перу, но и бесспорная способность к журналистике, и в первую очередь журналистике публицистической, находившей тогда и всё больше читателей, и всё больше издателей.

Он начал увязать в нелегальной деятельности. Когда в Москве начались революционные беспорядки, Адам Эмих не преминул принять в них участие. Он не только «звал к топору» статьями в газете, но и сам рвался на баррикады. Ничем

хорошим кончиться это не могло и, как известно, в целом не кончилось. Но ему удалось убежать, и в 1906-ом году объявился он в Саратове.

Октябрьский 1905-го года Манифест Николая II внёс большие послабления как в газетно-издательское дело, так и в цензуру печати. Везде открылось много газет, в том числе и радикального направления. В Саратове одной из них стала «Deutsche Volkszeitung», газета явно эсеровского направления, сотрудником которой стал Адам Эмих. Вскоре он стал одним из её редакторов и проявил себя на этом посту, по словам его дочери Т. Эмих, «как последовательный поборник демократической точки зрения левой ориентации» (подозреваю, что не только я у неё позаимствовал эту отлакированную фразу, но и она у кого-нибудь). Среди сотрудников газеты с благословения Эмиха оказался ещё один ниспровергатель режима, убежавший, опасаясь ареста, из Полтавы, – Петер Зиннер, уроженец Шиллинга (Сосновки), тоже учитель, социалист и журналист, а также пастор Иоганнес Эрбес, уроженец колонии Денгоф (Гололобовка).

В 1911-ом году газета «Deutsche Volkszeitung» была властями закрыта, но в январе следующего года начала выходить под новым названием – просто «Volkszeitung». Адаму Эмиху в сотрудничестве в этой новой газете было отказано, причём причиной этого был назван его излишний радикализм, который якобы и привёл к закрытию газеты-предшественницы. Следовало думать, чем заниматься, и в не меньшей мере – чем жить. Он уже не был так свободен, как ранее: в 1909-ом году он женился. Женой его стала Элизабет Мюллер, двадцатидвухлетняя учительница, землячка, уроженка Екатериненштадта, дочь довольно состоятельных родителей. В семье уже была маленькая дочь, к тому же жена опять была на сносях.

Какое-то время он пробивался отдельными статьями в нескольких газетах, но это был не выход. Выход нашёлся на родине, в Екатериненштадте. Там ему предложили место учителя немецкого языка, истории и географии в реальном училище, том самом, которое он когда-то сам окончил. Всё в жизни изменилось. Вместо сочинения злых газетных статей и постоянной тревоги, что за это можно лишиться не только места, но и свободы, – надёжная, спокойная, дающая моральное удовлетворение, уважение окружающих и материальный достаток работа учителя. Вместо съёмной квартиры, где нет почти ничего своего, – большой, просторный, по собственному вкусу меблированный дом неподалёку от работы. Вместо опостылевшей холостяцкой жизни – молодая любимая жена и прелестные дети, число которых прирастало чуть ли не каждый год. Конечно, с началом 1-ой мировой войны жизнь стала хуже, но не настолько, чтобы думать о том, что её следовало бы изменить.

Но вот наступил февраль 1917-го года – и благополучию и покою пришёл конец.

Сразу после Февральской революции небольшие группки социалистов Екатериненштадта (меньшевиков и эсеров, по привычной советской терминологии) договорились о создании единого печатного органа. Им стала

газета «Kolonist», должность редактора которой без колебаний занял учитель Адам Эмих, снова возжаждавший политической деятельности. Первый номер газеты увидел свет уже в марте того года, и в дальнейшем она регулярно выходила три раза в неделю (4 страницы размером 25 на 30 сантиметров) до её закрытия советской властью в августе 1918-го года на последнем, 200-ом номере.

В мае 1917-го года на организационном съезде, состоявшемся в Саратове, был создан Союз немцев-социалистов Поволжья (СНСП), объединивший разрозненные социалистические кружки и группы. Наиболее влиятельными были группы из Саратова и Екатериненштадта. Первая тяготела к большевикам, вторая была скорее левозэсеровской. Адам Эмих, один из лидеров екатериненштадской группы, был избран в Центральный комитет Союза. Возглавляемая им газета «Колонист» стала печатным органом ЦК. Надо сказать, что реального влияния в немецких колониях СНСП не имел, и его работа была скорее учебной тренировкой к предстоящим политическим баталиям, чем практической деятельностью.

Пришёл октябрь 1917-го года. После большевистского переворота деятельность СНСП активизировалась, причем роль саратовского крыла всё более возрастала.

В конце февраля 1918-го года в селе Варенбург состоялся съезд представителей немецких колоний Левобережья. Созван он был по инициативе земских деятелей Новоузенского уезда, не входивших в состав ни одной из активных политических партий, но на фоне политического и идеологического разнообразия, характерного для того времени, усмотревших возможность громко заявить о себе и своей позиции. Основным стержнем этой позиции было требование национального самоопределения поволжских немцев. Пробольшевистский Саратовский комитет Союза немцев-социалистов Поволжья принял решение этот съезд бойкотировать, объявив его контрреволюционным. По-другому отнёсся к этому политическому мероприятию Екатериненштадский комитет Союза – он решил направить туда свою делегацию. Во главе её на съезд отправился Адам Эмих. Как признанный деятель немецкого социалистического движения он на этом съезде был избран в состав делегации, направляемой в Москву на переговоры с советским правительством о представлении немецким колониям автономии. Эта делегация в апреле выехала в Москву, где на переговорах со Сталиным, бывшим тогда народным комиссаром по национальным вопросам, было достигнуто «принципиальное соглашение об организации самоуправления немецких трудящихся масс на советских началах».

Естественно, что большевики, захватившие власть в стране, не могли кому-либо другому уступить инициативу в таком серьёзном деле, как организация самоуправления такой крупной национальной группы, какой являлись поволжские немцы. В мае 1918-го года правительством РСФСР для управления немецкими колониями Поволжья был создан Поволжский комитет по немецким делам, во главе которого были поставлены 5 человек: 2 назначенца из Москвы и 3 местных социалиста. Одним из этих трёх был Адам Эмих.

19 октября 1918-го года Ленин подписал «Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о создании области немцев Поволжья». Через несколько дней на 2-ом съезде немецких колоний Поволжья был избран областной исполнительный комитет. В его составе опять видим мы А. Эмиха. Однако положение его изменилось: он, будучи членом облисполкома, одновременно был назначен членом ревкома одного из трёх вновь образованных немецких уездов – Ровенского (Зельманского). Кроме этого, на него были возложено исполнение обязанностей уездного судьи.

Он не только сам уехал в Зельман, но и перевёз туда свою семью, где было уже пятеро детей. Шаг этот был очень необдуманым: жена и дети были сорваны с насиженного места и увезены в село, где всё было чужое и все были чужие, – ни родных и близких, ни друзей и знакомых. Сам он часто отсутствовал, жена же его не отличалась ни предприимчивостью, ни боевитостью, ни просто умением ориентироваться в сложной обстановке. Когда в Варенбурге, входящем в состав Ровенского уезда, в январе 1919-го года вспыхнуло крестьянское восстание и Эмих как один из руководителей уезда отправился туда наводить порядок, жене его пришлось лишь молить Бога о том, чтобы его там не убили и о том, чтобы костёр восстания не перекинулся и на Ровное – тогда смерть всей семье. Восстание было подавлено, но страх никуда не делся. Поняв всю неразумность того, что он сделал со своими близкими, Эмих при первой же возможности перевёз их всех назад в Екатериненштадт.

После организации Автономной области (Трудовой коммуны) немцев Поволжья её центр сначала находился в Саратове. Саратовские губернские власти были в принципе большими противниками немецкой автономии, а после того, как вопреки их сопротивлению, область была всё-таки создана, начались всякие трения и дразги между двумя областными исполкомами. В связи с этим Москвою было решено перенести центр Автономной области НП в Екатериненштадт, который тогда же, в июне 1919-го года, был переименован в Маркштадт.

В стране шла ожесточённая гражданская война. Фронт пришёл и в немецкое Поволжье. В июле 1919-го года войска генерала Деникина захватили часть правобережной территории Автономной области, но были остановлены в 15-ти километрах от Бальцера и в 10-ти километрах от Золотого. Нависала явная угроза распространения военных действий и на левобережье Волги. Областной комитет РКП (б) в этой ситуации принял решение об отзыве Эмиха из состава уездного ревкома, так как всё больше убеждался, что по складу своего характера и по своим убеждениям Адам Эмих не сможет исполнять всё то, что требует от него вышестоящая власть. Было решено переместить его на более привычное для него дело: комиссаром автономной области по вопросам печати, агитации и пропаганды. Он возвратился в Екатериненштадт.

Революция и гражданская война привели к практически полной хозяйственной разрухе в стране. Остановилось большинство фабрик и заводов, разваливался железнодорожный транспорт, население в городах голодало. Воюющей армии и городам нужен был хлеб. Так как добровольно отдавать его ни

один крестьянин, конечно же, не соглашался, советское правительство приняло решение этот хлеб у крестьян отбирать насильно. Исполнение этих решений, получивших название продовольственной развёрстки, было поручено местным органам власти: партийным, советским и чрезвычайным (ЧК). В «помощь» тем, кто не выполнял развёрстки, отправлялись специально сформированные продотряды, руководителям которых представлялись практически неограниченные права и полномочия, вплоть до расстрелов крестьян, уклоняющихся от сдачи зерна, и ареста местных руководителей, заподозренных в саботаже или бездеятельности. Эти чрезвычайные меры были введены в начале 1919-го года и действовали до середины 1921-го года, когда продразвёрстка была заменена продналогом.

Московское правительство считало немецкое Поволжье «кулацким краем» и не только утверждало несправедливо высокие наряды на поставку (то есть принудительный отъём у крестьян) зерна, но и постоянно увеличивало их. Но только этим дело не ограничивалось. Когда сюда пришёл фронт, чуть ли не дочиста ограбили народ отступающие части 10-й Красной армии, а остатки вычистили захватившие часть области деникинцы. Тем не менее, Москва требовала неукоснительного выполнения не только первоначальных, но и увеличенных нарядов.

В руководстве Автономной области немцев Поволжья в связи с этими обстоятельствами произошёл раскол. Часть функционеров, среди которых был и А. Эмих, требовала прекратить ограбление народа, ехать в Москву и доказывать там невозможность выполнения такого высокого плана поставок, и не только невозможность, но и вредность этого дела для авторитета той же советской власти, как-никак называвшей себя народной. Левая часть руководства обвинила их «в защите кулацких элементов», «в гнилом либерализме». Дело дошло до того, что в феврале 1920-го года А. Дотц, председатель областной ЧК, отдал приказ об аресте ряда членов облисполкома: А. Райхерта, Г.Кенига, И.Шваба, А. Эмиха и некоторых других.

Однако, спустя некоторое время, когда в Москву от коммунистов автономии посыпались жалобы на произвол, творимый её руководством, ЦК ВКП (б) вмешался в конфликт. В результате арестованные были освобождены, а наиболее ретивых леваков перевели на работу в другие места, подальше от Волги.

Пришёл 1921-ый год, а вместе с ним и страшный голод. Разразилась эпидемия сыпного тифа. Прямо на улицах населённых пунктов лежали покойники, их собирали специальные команды, вывозили на кладбища, но там они зачастую не хоронились неделями – было некому. Начался массовый исход жителей из Поволжья.

В Немецкой автономной области был создан Комитет помощи голодающим, председателем которого, по информации Т. Эмих, был назначен её отец. Профессор А.А. Герман этого факта не подтверждает, он пишет («Немецкая автономия на Волге», часть I), что Адам Эмих был всего лишь членом этого

комитета, да и то введённым в него как известный общественный деятель, а не как партийный функционер. Скорее всего, прав профессор, а не дочь. Приводимый им факт свидетельствует о том, что отношение к Эмиху со стороны властей в то время было уже прохладным. Причиной этого могло быть только одно – его несогласие с политикой, проводимой советской властью. Это нашло подтверждение в дальнейшем ходе событий.

В 1922-ом году центр Автономной области НП был переведён из Марксштадта в Покровск. Город этот – совсем не немецкий, скорее русский или украинский, но власть это не смущало, этнические соображения её мало тревожили. А с точек зрения экономической и административной всё было правильно: и город крупнее других в области, и железная дорога ближе – в Саратове, и саратовские кадры можно при случае использовать для укрепления руководства, к тому же без необходимости отправлять их при этом жить в провинцию.

Функционеры властных областных структур вместе с этими структурами отбыли из Марксштадта. Но без Адама Эмиха. Он остался здесь всего лишь в качестве директора новой, советского образца, Опытно-показательной школы, размещённой в помещении бывшей гимназии. Будучи директором, он не отказался от преподавания – вёл уроки немецкого языка и естествознания. Жена его тоже стала работать здесь – учителем химии и физики.

Судя по всему, Эмихи приняли решение капитально обосновываться в Марксштадте. Неподалёку от школы они купили себе довольно просторный дом с неплохим садом, завели даже корову, кроликов. В городе открылась музыкальная школа, и старшие дочери стали там учиться – одна игре на фортепиано, другая – на скрипке.

Надо сказать, что кое-что о школе и её директоре много лет назад я слышал от своей матери. В 1922-ом году она – ей было 14 лет – после двухлетнего перерыва, связанного с тяжёлой болезнью, вернулась в школу, в которую только что директором был назначен А.Г. Эмих. В 1924-ом году мать как отличница учёбы была включена в состав группы учащихся из 20 человек, получивших путёвку на поездку в Москву на всероссийскую выставку детского школьного творчества. С собой они везли свой выставочный экспонат – макет немецкой усадьбы со всеми надворными постройками. Возглавлял поездку сам директор школы, он же как бывший «москвич» был их гидом в прогулках по городу. Кстати, запомнила мать, что в группе была и дочь директора, худенькая маленькая девочка моложе неё годами. Как потом я понял, это была Тея, второй ребёнок в семье Эмихов, которой тогда было 12 лет. С гордостью, естественной для людей того поколения, мать рассказывала, что их возили в Германский рабочий клуб, где перед ними выступила «сама Клара Цеткин».

6-го июля 1924-го года в семье Адама Эмиха произошла трагедия – во время купания в Волге утонула его жена Элизабет. Смерть жены поломала все вместе построенные планы: ни о какой стабильной, размеренной жизни нечего стало и

помышлять, когда не стало в семье главного её члена, который обеспечивал эту стабильность, эту размеренность. Со смертью жены обострилось воспоминание ещё об одной семейной утрате: два года назад умер от болезни их младший сын. Родной город в сознании Адама Эмиха превратился в город смерти. Жить в нём дальше не хотелось, и он решил воспользоваться тем, что в комиссариате просвещения Республики НП (область стала республикой в том же 1924-ом году) ему уже неоднократно предлагали перейти на службу к ним, в Наркомпрос.

Уже в августе Эмих с семьёй перебрались в Саратов. Почему в Саратов, а не в Энгельс? Дело в том, что Энгельс в 1922-ом году, став центром немецкой автономии, совершенно не готов был к приёму такого количества чиновников, которое хлынуло туда, – для них просто не было жилья. Для многих пришлось подыскивать квартиры в Саратове, на службу они ежедневно ездили в Энгельс, переправляясь через Волгу на специальном маленьком парходике. К 1924-му году положение почти не улучшилось, многие продолжали жить в Саратове (думается, что большинство из них это вполне устраивало). Эмиху было предложено поселиться в бывшей гимназической бане.

Небольшое пояснение. В начале 1920-х годов в помещениях бывшей Саратовской мужской гимназии № 1 были организованы две общеобразовательные, или как их тогда называли – единые 9-летние трудовые школы: русская и немецкая. Каждая из них имела свои классы, свои кабинеты и лаборатории, свой отдельный вход; и только актёрский и спортивный залы использовались сообща. Имевшиеся когда-то у гимназии подсобные помещения и надворные постройки было решено отдать под квартиры для учителей. Вот одну из них, из двух комнат, и оборудовал в бывшей бане для своей семьи Адам Эмих. Кое-как разместились, хоть и донимала постоянная сырость.

Эмиху представили службу сразу в двух местах: инспектором Наркомпроса и членом редакционной коллегии республиканской газеты «Nachrichten». Кроме того, он взялся написать «Книги для чтения» для 5-го и 6-го классов немецких школ. Сделал он это довольно оперативно: первая из них была напечатана в Немгосиздате уже в 1925-ом году, вторая – в 1926-ом. В этих книгах, помимо рассказов немецких классиков и поволжско-немецких писателей, были помещены несколько рассказов самого А. Эмиха и даже стихи его покойной жены. С 1925-го года Наркомпрос республики поручил ему редактирование профессионального педагогического издания «Wolgadeutsche Schulblatt», в котором печатались методические разработки, циркуляры Наркомпроса, письма и предложения учителей, художественные рассказы. Мало того, Эмих взялся ещё и за преподавание – вёл уроки обществоведения в Покровском кооперативном техникуме.

В Саратове он возобновил давние, с 1906-го года, отношения с Петром Ивановичем Зиннером и его женой Камиллой Фёдоровной, урождённой Ридель. Тогда, в смутные годы, жизненные пути Эмиха и Зиннера разошлись: первый остался в Саратове, а второй уехал сначала в Киев, потом в Петербург, потом за границу, и, наконец, осел в Петербурге. После октябрьского переворота Зиннер

вернулся в Поволжье с большой семьёй, где было четверо детей. Теперь и сам П. Зиннер, и его жена были учителями в той самой немецкой 5-ой единой трудовой школе-девятилетке, во дворе которой поселился Эмих с семьёй и в которой теперь учились его дети. Прежние отношения переросли в крепкую семейную дружбу.

В конце 1925-го года после полутора лет вдовства Адам Эмих женился во второй раз. Главной хлопотуньей по этому делу выступила Камила Зиннер. Насмотревшись на семейную неустороенность его, она решила по-женски вмешаться и познакомила (пока заочно) Эмиха со своей хорошей знакомой, которую звали Альвиной Андреевной Шимпф. Когда-то в Петербурге после окончания Анненшуде она помогала Камилле Фёдоровне растить детей, то есть была в доме Зиннеров кем-то вроде гувернантки. Потом семья Шимпфов уехала из столицы в Самару, а в годы гражданской войны Альвина, состоявшая опять в гувернантках у одного из немецких богачей, вместе с его семьёй оказалась в Риге, к тому же на нелегальном положении. Эмих использовал свои связи для возвращения её в СССР, и они познакомились лично. Несмотря на большую – 22 года – разницу в возрасте и четверых детей в семье вдовца, «фройляйн Шимпф» дала согласие на брак. Она выбрала для себя трудную судьбу. Но пока всё было неплохо: дети приняли её хорошо, Эмих прилично зарабатывал, а в стране, где был в разгаре НЭП, для жизни купить можно было всё, были бы деньги. Особенно со второй половины лета, когда помидоры, огурцы, а потом арбузы, дыни, яблоки и груши вообще стоили в Саратове форменные гроши.

Ночью с 30-го на 31-е января 1930-го года Адам Эмих был арестован и помещён в тюрьму Саратовского управления ОГПУ, в подвал того самого, зловещего серого здания на углу улиц Вольской и Сакко-Ванцетти. Как потом выяснилось, этой ночью были арестованы профессор Г. Дингес, доцент П. Рау, пастор И. Эрбес и некоторые другие представители поволжско-немецкой интеллигенции. Тогда же в Ленинграде арестовали П. Зиннера, три года назад уехавшего туда и работавшего преподавателем в Институте промышленности и труда, а в Москве – бывшего профессора Немпединститута В.Сынопалова. Арестовывали, как видим, не только немцев, и арестовывали уже тогда так густо, что камеры были набиты битком. В начале мая Эмих неожиданно был освобождён под подписку о невыезде. Ему даже дали разрешение на поездку в Ленинград, где тогда училась его старшая дочь Эльза.

В начале августа его арестовали снова. На этот раз оказался он в общей тюрьме, на Московской. То ли подвал на Вольской был набит уже до предела, то ли судьба его уже была решена и осталось только выполнить кое-какие формальности (я делаю такое предположение по аналогии с делом своего отца). Там же, на Московской, оказался и тоже ранее отпущенный, а теперь вновь арестованный профессор Дингес. Среди арестованных было много дореволюционных социалистов, и в первую очередь – членов Союза немцев-социалистов Поволжья, деятельность которого спустя более чем 10 лет была вдруг признана контрреволюционной. Появилась и новая категория обвиняемых –

лица, выступающие против всеобщей коллективизации крестьян и против массового закрытия церквей. Среди этой категории арестованных были не только крепкие сельские хозяева и священнослужители, но попадались и члены компартии, не без основания усматривавшие в этих процессах признаки явного нарушения конституционных прав и свобод тех самых людей, ради счастья которых вроде бы и затевалась революция, и не пожелавшие принимать участие в этом производе.

Только весной 1931-го года «следствие» было закончено, по приговору «тройки ОГПУ» Адам Эмих получил три года концентрационного лагеря. В приговоре было указано, что осуждён он по статье 58 пункт 10 – контрреволюционная агитация. По этой же статье и на такой же срок были приговорены и многие другие обитатели тюрьмы. Всех их в один из дней апреля длинной колонной отвели на вокзал, погрузили в товарные вагоны и отправили в Пермский край на строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. Там начальником стройки стал Эдуард Берзин, получивший известность позднее как организатор Колымских лагерей (Варлам Шаламов, автор «Колымских рассказов», до Колымы побывал и на Вишере и кое-что написал и об этой «стройке коммунизма»).

Опасаясь ареста, Альвина приняла решение уехать в Ленинград, где у Эмиха были родственники, где учились его дочери и где жила семья арестованного П.Зиннера. Вряд ли этот шаг можно назвать продуманным. Но как упрекать женщину, только что родившую ребёнка, к тому же взявшую на себя ответственность за судьбу детей мужа, пусть не таких уж малолетних, но и не таких уж и взрослых, за желание хоть как-нибудь защитить их от несправедливости и произвола? Они прожили там более года. В 1932-ом году в СССР началась всеобщая паспортизация и была введена обязательная прописка. Альвина Эмих тоже сдала документы, но вместо ожидаемых разрешений на получение паспорта и на прописку в Ленинграде, она получила предписание в течение 48-ми часов покинуть город. Шёл февраль 1933-го года. Альвина с грудной дочкой уехала в Самару, где жили её брат и сестра, а остальные дети остались в Питере: двое уже как самостоятельные люди, двое – на попечении родственников.

В том же феврале закончился срок у Адама Эмиха, и он тоже принял решение отправиться в Самару, где Альвине выделил маленькую комнатку в своей квартире её брат Генрих. Пришлось размещаться в ней, этой комнатке, теперь уже втроём.

В стране начался голод. Продовольствия не было, деньги потеряли значение, главными источниками жизни в городах стали продуктовые карточки, выдаваемые работающим, учащимся, старикам и детям. Альвина устроилась счетоводом, сам же Эмих найти работу не мог – не брали из-за судимости. Он решил поехать в Энгельс, но и там ему дали только временную работу – перевод с русского языка на немецкий учебника «Основы ленинизма». Да и это было сделано лишь благодаря стараниям А.П. Дульзона, который заведовал тогда кафедрой в Немпединституте и относился к Эмиху с большим уважением.

Продуктовые карточки, судя по всему, полагались и временно работающим. Но жили очень трудно. Дело дошло до того, что их дочь Тея, худенькая девочка, которая в Ленинграде училась и одновременно работала на производстве и потому получала рабочую хлебную карточку, еженедельно отправляла в Самару посылку с двумя килограммами хлеба (ей каждый день полагалось по карточкам 800 граммов). Угнетало отсутствие постоянной работы и жилья, эта унижительная для крепкого ещё мужчины зависимость от родственников жены и ни на миг не покидающий его стыд за неудобства, им причиняемые.

Наконец, ему вроде повезло: его согласились взять на работу преподавателем немецкого языка в Самарский сельскохозяйственный институт, расположенный, правда, не в самой Самаре, а неподалёку от железнодорожной станции Кинель, менее чем в часе езды на поезде от Самары. Там же выделили им довольно просторную комнату. Альвине тоже нашлась работа – секретарём на одном из факультетов.

Так прожили они относительно благополучно полтора года. Привыкший делать сразу несколько дел, Адам Эмих не мог удовлетвориться одними только уроками, а так как оплачиваемой работы найти не удавалось, он взялся за перо. Его сердце, сердце человека-правдолюба, страдало, и душа его, душа журналиста и писателя, не могла мириться с тем, что вокруг творилось, и взывала к обличению порока. Уже давно, во второй половине двадцатых годов, он увидел тенденцию партии на откровенную фальсификацию истории, и в первую очередь истории самой партии, и уже тогда взялся (пока что только на досуге и только для себя – в стол) написать правдивую историю социалистического движения в немецком Поволжье. Он успел довольно много поработать над рукописью, но при аресте в 1930-ом году она была изъята и, естественно, пропала в НКВД. Теперь он решил всё начать снова. Но теперь это была уже работа человека, чей опыт значительно обогатился и пребыванием в тюрьмах, и лагерем. Теперь за столом сидел человек, полностью разочаровавшийся в том, что когда-то было основой его миропонимания – в марксизме и социализме (в большевизме он засомневался уже давно). И в том деле, которое он затеял, по-прежнему для него было больше вопросов, чем ответов. Сразу после лагеря, в вечерних разговорах с братом жены он не раз заводил тихий разговор о том, что не только большевики никакие не социалисты, но и сам Маркс во многом ошибался, что именно слепое следование его идеям привело социалистическое течение в России к ужасной практике большевизма. И всё мучился вопросом: почему всё пошло по самому худшему сценарию, почему именно большевики, кучка самых непопулярных в социалистическом движении людей, взяли верх, и насколько он лично приложил к этому руку? (И немцу не чужды считающиеся чисто русскими вечные вопросы – «что делать?» и «кто виноват?»). Но, судя по этой затее – писать «правильную» историю коммунистической партии, – даже тюрьмы и лагерь не научили его осторожности.

1-го декабря 1934-го года в Ленинграде прозвучал выстрел, положивший начало тому, что потом назвали 37-ым годом, – был убит Киров. Узнав об этом

убийстве, Эмих сразу предположил, что пуля, выпущенная там, в бывшей столице, рикошетом достанет и его, даже укрывшегося в самарской провинции. Предчувствие не обмануло его – в начале марта 1935-го года за ним пришли в очередной раз. Его увезли в Куйбышев (так теперь стала зваться Самара), потом этапировали в Саратов, в тюрьму на улице Ленина (так теперь стала зваться бывшая Московская). Осенью 1935-го года его увезли в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму. Но что-то, видимо, разладилось в том сценарии, для которого он был нужен. Вопреки ожиданиям самого худшего, в октябре 1936-го года особое совещание приговорило его всего лишь к трёхлетней ссылке в Уфу. С учётом предварительного заключения отбывать осталось 15 месяцев.

В Уфе в ссылке вместе с ним оказались некоторые его «подельники» из Республики немцев Поволжья: писатель и педагог Август Лонзингер, бывший соратник Эмиха по Союзу немцев-социалистов адвокат Иван Гросс, школьный учитель из Саратова Конрад Эбер. Жилось тяжело не только материально, но и морально. Постоянную работу найти в Уфе было невозможно, приходилось перебиваться редкими уроками немецкого языка (смехотворное пособие от властей в расчёт принимать не стоило). Жилья тоже не было, жил он один – срывать жену с места явно не следовало: он не исключал того, что всё может быть хуже. Ежедневно нужно было отмечаться в комендатуре, ходить приходилось больше пешком, а ему было 65 лет, и сердце начало давать сбои. И только редкие наезды жены и детей приносили несколько дней счастья, да не оставляющая надежда, что ссылка в конце концов должна будет кончиться.

В августе 1937-го года Адам Эмих в очередной раз был арестован, и больше его никто из родных не видел. Только по прошествии более чем 50-ти лет его дочь узнала, что 5-го ноября 1937-го года «за антисоветскую деятельность» его приговорили к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 22-го ноября.

Жена и дети Адама Эмиха во время войны были высланы в разные районы Сибири и Казахстана. Все они, кроме самой младшей его дочери, прошли через «трудармию» и всё прочее, что выпало на долю российских немцев. Потом, после отмены комендатуры, каждый устроился так, как получилось в жизни.

В числе лиц, расстрелянных в 1937-ом году в Республике немцев Поволжья, встретились мне имена двух его племянников: Германа Германовича Эмиха и Адольфа Фёдоровича Сабельфельда. Первый был директором ткацкой фабрики имени Карла Либкнехта в Бальцере, второй – директором типографии в Энгельсе.

В 2001-ом году в Уфе в возрасте 89-ти лет умерла Тея Адамовна Эмих, вторая дочь Адама Эмиха, доктор биологии, профессор, заведующая кафедрой в Башкирском университете. Это она постаралась сделать всё возможное, чтобы сохранить память о своем отце: добилась его реабилитации и даже написала документальную повесть о его жизни.

Повесть сразу привлекла моё внимание удивительным совпадением: в тот же день, что и Адам Эмих – 22-го сентября 1872 года, в том же городе Екатериненштадте родилась и моя бабушка по материнской линии Анна

Фридриховна Прахт, в браке Ридель. Потом возник интерес содержательный, и я перевёл повесть Т. Эмих на русский язык. Некоторые сведения из неё использованы мною при написании этого очерка.